

Чувственное мышление и нравственное воспитание в стихах А. Вознесенского (размышления методиста-физика о лирике)

Сауров Юрий Аркадьевич – д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. РАО, проф. кафедры физики и методики обучения физике Вятского государственного университета (Россия, Киров); saurov-ya@yandex.ru

Аннотация. Автор статьи размышляет о чувственном мышлении и нравственном воспитании в поэзии А. Вознесенского (1933–2010). Понятие «чувственное мышление» рассматривается как фундаментальное образование в духовной жизни людей. Высказывается мнение о том, что в любой образовательной системе нельзя преуменьшать значение поэтической речи. На каждом уроке эта речь, духовный смысл сказанных слов создают высокую чувственную атмосферу, а значит, и нравственный, и дидактический потенциал. Такой потенциал раскрыт на примере некоторых любимых автором стихотворений известного поэта-шестидесятника, академика РАО.

Ключевые слова. Поэт, поэтическая мысль, чувственное мышление, нравственное воспитание, духовный смысл слов, дидактический потенциал стихотворений.

В 1993 г. поэт А.А. Вознесенский был избран академиком Российской академии образования, и это не случайность. Образование – ваяние образа, то есть творение человека. Такая метафора, думается, близка А. Вознесенскому. Важно, что она отражает глубинную суть образовательной деятельности, и неудивительно, что ярче всего эта суть проявляется у поэта. «Ваяние» слов (если тем более это понимать как любую предметную деятельность) – творение человеческого мира, который всегда в потенциале, но явно его нет для данного субъекта, данного временного промежутка. Отсюда и открытия-откровения поэта.

Утверждают, что мышление – феномен, и оно передается. Понятно, что это структурно и содержательно сложный феномен. Но кто измерил сложность поэтического мышления? Наш опыт убеждает: поэзия помогает присвоению глубины и тонкости естественно-научного мышления. Конкретных примеров здесь не счесть, но в первую очередь назовем А. Эйнштейна¹ и Б.В. Раушенбаха². Не случайно социум в 60-е гг. XX в. сформулировал проблему физиков и лириков. А сейчас в обучении это отношение архиактуально: как гуманитарное знание, в частности, поставить на службу естественно-научному познанию?

Одним из моих научных кумиров был и есть Г.П. Щедровицкий, его страстная разящая методологическая мысль по накалу сродни поэтической речи высшей пробы. Я часто повторяю его слова: «Я был идеалист... для меня теории, теоретические принципы существовали как первая и подлинная реальность, все остальное было творимым в соответствии с этим...» [1, с. 214]. Вот какая мощь слова! «Волшебное слово» в обучении человека – дорогого стоит. Особенно в начале жизни.

Со стихотворениями А. Вознесенского, с его «волшебными словами» впервые я познакомился после окончания школы в читальном зале библиотеки. И через два-три

---

¹ Альберт Эйнштейн (1879–1955) – физик-теоретик, но также и публицист, автор книг и статей по истории и философии науки.

² Борис Викторович Раушенбах (1915–2001) – советский и российский физик-механик, один из основоположников советской космонавтики, академик РАН. В конце 90-х гг., продолжая работать в области ракетной техники, начал изучать теорию перспективы в изобразительном искусстве.

года влюбился в мир его поэзии. Потом с первого чтения запомнилось его «Не пишется» («Я в кризисе. Душа нема...»), опубликованное в 1967 г. в «Новом мире». Мысль поэта почти материальна:

Поля мои лежат в глуши.
Погашены мои заводы.
И безработица души
зияет страшною зевотой...

Главный редактор журнала А.Т. Твардовский, явно тяготеющий к классической форме и содержанию, все же опубликовал это вызывающее стихотворение, «уколовшее» многих «поэтов нашей федерации». По сути, в нем обозначена реальная проблема всегда иного и нового познания субъектом мира.

Вознесенского я читал много, не потерял за годы ничего – все помню. Уверен, что он актуален и сегодня, полезен современным школьникам и студентам своими духовными поисками. В разных аудиториях десятилетиями я цитировал его стихи, и всегда это воспринималось хорошо.

С А.А. Вознесенским, который стал академиком РАО, мы могли бы оказаться рядом на общем собрании, но этого, увы, не случилось. Знание о Вознесенском-поэте в рамках сложившегося у меня образа – от его книг, в которых я находил необходимые мне мысли и чувства.

Через А. Вознесенского я лучше узнал Б.Пастернака, продолжаю и продолжаю восхищаться глубиной его поэзии. Как точно и тонко увязано абстрактное и конкретное в пастернаковских строчках:

Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность: точность тайн,
Не занимайся точками в пункте,
И зерен в мере хлеба не считай!

Заменить одно слово «поэзия» на слово «методика», и получится хорошая установка для моей практики.

А. Вознесенский вспоминал: «Тебя Пастернак к телефону! Оцепеневшие родители уставились на меня. Шестиклассником, никому не сказавшись, я послал ему стихи и письмо. Это был первый решительный поступок, определивший мою жизнь. И вот он отозвался и приглашал к себе на два часа, в воскресенье...» [2, с. 6]». Как нам всем не хватает такой свободной одухотворенной смелости!

Любому воспитателю нужны не только предметные знания и умения – он должен быть привит опытом высокой поэзии и прозы, опытом высокой живописи и музыки. Без этого нет личности. И только тогда за учителем пойдут ученики.

Когда размышляешь о поэзии, понимаешь, что мысли и чувства поэта всегда едины: методологи бы сказали, что это чувства-мысли или мысли-чувства.

Так каждый великий духовный деятель добавляет содержания в любовь, которая осмысленно воспринимается, и как «опыт рода», и как дар общества человеку. У А. Вознесенского он выражен по-особенному – исторично, метафорично, материально. Как в «Саге» (1977) о разлуке, ставшей (в сокращении) известной песней «Ты меня на рассвете разбудишь»:

Даже если на землю вернемся
мы вторично, согласно Гафизу³,

---

³ Гафиз, или Хафиз (Шемс-Эддин-Мухаммед) — знаменитый персидский поэт (1300–89), который верил в реинкарнацию.

мы, конечно, с тобой разминемся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою...

Возвышение духовного мира, такого чувства как любовь – прямая задача поэта. Скажу об одном из моих любимых стихотворений «Молитва» (1970): в нем – чистое чувственное методологическое мышление:

Когда я придаю бумаге
черты твоей поспешной красоты,
я думаю не о рифмовке –
с ума бы не сойти!

И концовка стихотворения – от избытка чувств, как глоток кислорода:

Куда-то душу уносили –
забыли принести.
«Господь, – скажу, – или Россия,
назад не отпусти!»

В физике формула закона подобна молитве – это сгусток поиска (порой десятилетиями) мыслей о природе и человеке. И миллионы людей ежедневно заучивают формулы как стихи, воспринимая их как реальность. А поэт своей новой конкретностью слов расширяет, «распаковывает» реальность.

В стихотворении «Осень в Сигулде» (1961) точно выдохнуто:

...о родина, попрощаемся,
буду звезда, ветла,
не плачу, не попрошайка,
спасибо, жизнь, что была...

«Спасибо» – фундаментальная категория отношения или оценки людей, которая прикладывается и к конкретному делу-событию, и к эфемерному состоянию души. Поэтому можно сказать «спасибо» жизни, но для этого надо нравственно подняться, в том числе до высоты смерти. Какие надо иметь силы написать: «Невыплаканная флейта / в красный легла футляр» («Похороны Кирсанова», 1972). Сказано за всех и обо всех.

Несколько лет назад студентам математического факультета по окончании факультативного курса «Методология познавательной деятельности» я предложил ответить на вопрос: «Может ли человек жить без моделей? Ответ аргументируйте». Меня до сих пор радуют осознанные, разнообразные, убежденные ответы, которые сводились к тому, что жить без моделей невозможно [3]. У Вознесенского эта мысль образно звучит в стихотворении «Художник и модель» (1973): творению, созданному художником, а это значит, модели, будет люд «в храме служить». Это не модель на подиуме, это модель познания природы. По сути, все поэтические модели, как и материальная точка в физике, устанавливают «единство во многообразии» между объектами и явлениями в тех или иных мирах. Важным и инвариантным является удивительное отношение в познании «реальности» и «модельных

описаний», где модель всегда имеет границы применимости, по природе всегда беднее реальности, но зато существеннее. Построение человеком мира, в котором он только и может жить, – нравственная обязанность. И люди ежедневно эти миры конструируют, используют и молятся на них. Такая дидактическая установка современна и перспективна.

Поэту нельзя не думать о миссии или смыслах поэзии. Об этом – стихотворение «Теряю свою независимость» (1974):

...Есть высшая цель стихотворца —
ледок на крылечке оббить,
чтоб шли отогреться с морозца
и исповеди испить.

А ведь в любой предметной деятельности, в том числе бытовой, может быть найден, выделен, построен некий смысл (Не случайно говорят, что стул «приглашает» тебя сесть). Поэзия учит познавать этот смысл в жизни и науке.

Но начало этого стихотворения, как у Маяковского, звучит социально громко:

Теряю свою независимость,
поступки мои, верней, видимость
поступков моих и суждений
уже ощущают уздечку,
и что там софизмы нанизывать!

О чем это? О социальной тяжести индивидуальной свободы? О согласованности бессмертия души и бренности тела? И лечебной вечности конкретно-предметного дела? Но ведь это и есть поле мятежного, бьющегося мышления! В образовании и науке всегда так.

И еще в одном стихотворении – «Надпись на “Избранном”» (1975) – о миссии поэта, и его верности поэзии, самому себе. В неотречении – проявление индивидуальной свободы, и в этом – высшая нравственность:

...В мой страшный час,
хотя и бредовая,
поэзия меня не предавала,
не отреклась.

Я жизнь мою
в исповедальне высказал.
Но на весь мир транслировалась исповедь.
Все признаю.

Толпа кликуш
ждет, хохоча, у двери:
«Кус его, кус!»
Все, что сказал, вздохнув, удостоверю.

Не отрекусь.

В своей недавней монографии «Построение постнеклассической методики обучения физике» [4] вводный эпиграф – целое стихотворение А. Вознесенского:

Когда по Пушкину кручинились миряне,
что в нем не чувствуют былого волшебства,
он думал: «Милые, кумир не умирает.
В вас юность умерла!»

Если слово «кумир» заменить на слово «любовь», то взгляд-мысль будет более объективной, хотя и менее материальной. Это и есть один из подтекстов стихотворения. У А. Вознесенского всегда так. Таковы его измерения пространства-времени жизни, многомерное мышление и высокий нравственный накал.

В своих поэмах А. Вознесенский поднимается до вершин индивидуального мышления как мышления социального. Такова поэма «Доктор Осень»⁴, в эпилоге которой мысль поэта предельно материальна и метафорична:

Пусть мы скромны и бренны.
Но, как жемчуг усердный,
вызревает в нас Время,
как ребенок под сердцем.

Мысль всегда бьющаяся, чувственная – это рвущаяся мысль в сетке чувств. Это и есть «на разрыв аорты». Впрочем, мышление не пересказать – его надо считывать, строить. Это реальные *леса* нашей жизни.

Кажется, что такой интеллектуальный поэт, как А. Вознесенский, не мог быть автором популярных песен, но это не так: на его стихи написаны «Миллион алых роз», «Верни мне музыку», «Не исчезай». Я люблю слушать грустную, но светлую песню-молитву «Свеча»:

Спасибо, что свечу поставила
в католикосовском лесу,
что не погасла свечка талая
за грешный крест, что я ношу.

...Меж ежедневных Черных речек
я светлую благодарю,
меж тыщи похоронных свечек –
свечу заздравную твою.

Задумаемся: часто ли мы сейчас ставим заздравные свечи – своим близким, друзьям, ученикам, своему делу? Ведь так очевидно: чувственное мыследействие в соответствующей словесной форме люди всегда поймут, примут и оценят. Также принимают и слова поэта – они и есть его вечность.

В текстах А. Вознесенского нет формально-заезженных слов – в большинстве стихотворений простота и глубина слов-понятий существуют в единстве. Дом-мир, построенный в его поэзии из слов-понятий, стоит материально твердо, а чувственное мышление поэта, его нравственное слово всегда будут увлекать, объединять и вести за собой.

Литература

1. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М., 2001. 368 с.

---

⁴ Прототипом поэмы стал Манфред Генрихович Эссен. Под такой фамилией знали подпольщика доктора Эсси-Эзинга, который, выполняя задание, работал главврачом Павлоградского фашистского концлагеря, откуда помогал заключенным бежать к партизанам.

2. *Вознесенский А.А.* Прорабы духа. М., 1984. 496 с.
3. *Сауров Ю.А., Петрова Е.Б.* Знаки и чувства в обучении физике // Физика в школе. 2021. № 2. С. 3–11.
4. *Сауров Ю.А.* Построение постнеклассической методики обучения физике: методологический и методический синтез: монография. Киров, 2022. 212 с.